

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

1001 ночь.

Рассказ об Исхаке Мосульском и девушке

Рассказывают, что Исхак, сын Ибрахима Мосульского, говорил: "Случилось так, что мне наскучило постоянно быть во дворце халифа и служить там, и я сел верхом и выехал утром, и решил объехать пустыню и прогуляться, и сказал моим слугам: "Когда придет посланный от халифа или кто другой, скажите ему, что я с утра выехал по одному важному делу и что вы не знаете, куда я уехал".

И потом я отправился один и объехал город, а день был жарким, и я остановился на улице, называемой аль–Харам..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Четыреста восьмая ночь

Когда же настала четыреста восьмая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что Исхак, сын Ибрахима Мосульского, говорил:

"И когда день стал жарким, я остановился на улице, называемой аль–Харам, чтобы поискать тени от солнечного зноя, а у дома было широкое крыло, выступавшее на дорогу. И не прошло много времени, как подошел черный евнух, который вел осла, и я увидел на нем девушку, ехавшую верхом, и под нею был платок, окаймленный жемчужинами, и одета она была в роскошные одежды, дальше которых нет цели. И я увидел у девушки прекрасный стан, и томный взор, и изящные черты и спросил про нее кого–то из прохожих, и мне сказали, что это певица. И любовь привязалась к моему сердцу, когда я посмотрел на нее, и я не мог усидеть на спине моего животного. И затем девушка въехала во двор дома, у ворот которого я стоял, и я принялся размышлять о хитрости, которая привела бы меня к ней. И пока я стоял, вдруг приблизились два человека – прекрасные юноши, и попросили разрешения войти, и хозяин дома им позволил, и они спешились, и я тоже спешился и вошел вместе с ними, и юноши подумали, что хозяин дома меня позвал. И мы просидели некоторое время, и нам принесли кушанье, и мы поели, а затем перед нами поставили вино. После этого вышла невольница с лютнею в руках и запела, а мы стали пить. И я поднялся, чтобы удовлетворить нужду, и хозяин дома спросил про меня тех двух людей, и они сказали ему, что они меня не знают, и тогда хозяин дома воскликнул: "Это блюдолиз, но он приятен видом! Обходитесь с ним хорошо!"

И потом я пришел и сел на свое место, и невольница запела нежную песню и произнесла такие два стиха:

"Скажи газели, которая не газель совсем,

И теленочку насурмленному – не теленок он!

Кто с мужчиной любит один лежать, тот не женщина,

Кто, как дева, ходит, поистине не мужчина тот".

И она исполнила это прекрасным образом, и присутствующие выпили, и пение им понравилось. И затем девушка спела несколько песен с диковинными напевами, и пропела, между прочим, песню, сложенную мной, и она произнесла такие два стиха:

"Разоренная ставка

Ее бросил любимый:

Одинока она без них,

Опустела, исчезла".

И вторую песню она исполнила лучше, чем первую. И потом она спела еще несколько песен на диковинные напевы из старых и новых, и среди них была песня, сложенная мною с такими стихами:

"Тем скажи, кто ушел, браня,

И далек, сторонясь тебя:

"Ты добился того, чего

Ты добился, хоть ты шутил!"

И я попросил ее повторить эту песню, чтобы исправить ее, и ко мне подошел один из тех двух людей и сказал: "Мы не видели блюдолиза более бесстыдного, чем ты. Ты не довольствуешься тем, что приходишь незваный, ты еще пристаешь с просьбами! Оправдывается поговорка: "Он блюдолиз и пристает с просьбами".

И я потупился от стыда и не отвечал ему, и его товарищ стал удерживать его, но он не отставал от меня. А потом все встали на молитву, и я отступил немного и, взяв лютню, подвинул колки и хорошо настроил ее, и вернулся на свое место и помолился с ними. А когда мы кончили молиться, тот человек вернулся ко мне с укорами и упреками и упорно задирал меня, а я молчал. И невольница взяла лютню и стала ее настраивать, и что–то показалось ей подозрительным. "Кто настроил мою лютню?" – спросила она. И ей сказали: "Никто из нас не настраивал ее". И она воскликнула: "Нет, клянусь Аллахом, ее настроил человек искусный, выдающийся в этом деле, так как он поправил струны и настроил ее, как настраивает знающий свое искусство". – "Это я настроил ее", – сказал я невольнице. И она молвила: "Заклинаю тебя Аллахом, возьми ее и сыграй что–нибудь!"

И я взял лютню и сыграл на ней диковинную и трудную песню, едва не умерщвлявшую живых и оживлявшую мертвых, и произнес под лютню такие стихи:

"Было сердце у меня, и с ним жил я,

По сожгли его огнем и сгорело,

Не досталась ее страсть мне на долю

Достается ведь рабам лишь их доля.

Если то, что я вкусил, – яства страсти,

Несомненно, всяк вкусил их, кто любит..."

И Шахразаду застигло утро, и она прекратила дозволенные речи.

Четыреста девятая ночь

Когда же настала четыреста девятая ночь, она сказала: "Дошло до меня, о счастливый царь, что, когда Исхак, сын Ибрахима, мосулец, окончил свои стихи, среди собравшихся не осталось никого, кто бы не вскочил со своего места. "И они сели передо мной и сказали: "Заклинаем тебя Аллахом, господин наш, спой нам еще одну песню". А я отвечал им: "С любовью и удовольствием!" И затем я сыграл как следует и произнес такие стихи:

"О, кто же поможет сердцу, тающему в беде?

Печали со всех сторон верблюдов к нему ведут.

Запрета пускающим стрелу в глубь души моей

Вся кровь, им пролитая меж сердцем и ребрами.

В разлуки день ясно стадо мне, что сближенье с ним,

Когда он далек – лишь мысль, обманчиво–ложная.

Он пролил кровь, но ее не пролил бы без любви,

И будет ли за ту кровь взыскатель и мститель мне?"

И когда он окончил свои стихи, среди собравшихся не осталось никого, кто бы не поднялся на ноги и не бросился бы потом на землю от сильного восторга, овладевшего им.

И я кинул лютню из рук, но люди сказали мае: "Ради Аллаха, не делай этого, дай нам услышать еще одну песню, да прибавит тебе Аллах своей милости!" А я молвил: "О люди, что я буду прибавлять вам еще песню, и еще, и еще! Но я осведомлю вас о том, кто я. Я Исхак, сын Ибрахима, мосулец. Я надменен с халифом, когда он меня требует, а вы заставили меня в сегодняшний день выслушать грубости, которых я не люблю. Клянусь Аллахом, я не произнесу ни звука и не буду сидеть с вами, пока вы не выведете отсюда этого буйна!" – "От этого я тебя предостерегал, и этого для тебя боялся!" – сказал тогда товарищ этого человека, и потом его взяли за руку и вывели, а я взял лютню и спел им со всем искусством те песни, которые пела невольница. А после того я потихоньку сказал хозяину дома, что эта невольница запала мне в сердце и я не могу быть без нее. "Она твоя, но с условием", – отвечал хозяин. "А каково оно?" – спросил я. И хозяин молвил: "Чтобы ты пробыл у меня месяц, и тогда невольница и то, что ей принадлежит из одежд и украшений, – твои". – "Хорошо, я это сделаю", отвечал я. И целый месяц я пробыл у него, и никто не знал, где я, и халиф искал меня во всех местах и не имел обо мне вестей. А когда месяц кончился, хозяин дома вручил мне невольницу и дорогие вещи, которые ей принадлежали, и дал мне еще евнуха, и я пришел с этим в мое жилище, и мне казалось, будто я владею всем миром, так сильно я радовался невольнице.

И потом я тотчас же поехал к аль–Мамуну, и, когда я явился к нему, он воскликнул: "Горе тебе, о Исхак, и где это ты был?" И я рассказал ему свою историю. И аль–Мамун воскликнул: "Ко мне этого человека, сейчас же!" И я указал его дом, и халиф послал за ним, и, когда этот человек явился, он спросил его, как было дело. И он рассказал все, и тогда халиф воскликнул: "Ты человек благородный, и правильно будет, чтобы тебе была оказана при твоём благородстве помощь".

И он велел дать ему сто тысяч дирхемов, а мне сказал: "О Исхак, приведи невольницу!" И я привел ее, и она стала петь халифу и взволновала его, и его охватила из–за нее великая радость.

"Я назначаю ее очередь на каждый четверг, – сказал он. – Пусть она приходит и поет из–за занавесей".

И халиф приказал выдать ей пятьдесят тысяч дирхемов, и, клянусь Аллахом, я много нажил в эту поездку и дал нажить другим".